

ПОД ПОЛОМ шуршат МЫШЬ

(Пятнадцать эпизодов, имевших место 18 июня, в которых действуют обитатели четырех квартир дома № 76 и другие необходимые лица)

Мысли театрального суфлера Ивана Кузьмича Иванова, высказанные им самим в беседе с автором

после собрания, которое состоялось в конце этой повести.

(Эпиграф, самый длинный в истории, литературы).

***

Да, знаете, неожиданный сюжетный поворот. Как в детективной пьесе. Но не всегда так бывает. Далеко не всегда... Я, между прочим, люблю некоторые собрания. Особенно после трудов праведных.

Придешь, устроишься в последнем ряду... Между прочим, я чувствую себя там весьма покойно и уютно... Ну, как человек, страдающий язвой желудка, в диетической столовой. Я, не принявываясь, глотаю большие куски доклада и прений. Знаю, что повара квалифицированные. Соли и перца не переложат.

Потом, насытившись, я начинаю дремать... Нет, все-таки на собрании лучше, чем в диетической столовой. Попробуй-ка задремать в точке общественного питания! Сейчас милицию вызовут, начнут искать под столом... пустую бутылочку. Это очень на нервы действует, когда бутылочку ищут.

То ли дело здесь! Отдыхай. И никакого тебе милиционера.

А сколько людей почувствовали бы себя обездоленными, если бы на собрания был введен лимит. Как на персональные машины. Режим экономии, так сказать.

Какие таланты могут погибнуть! Один мой знакомый двадцать лет собрания проворачивал. Потом выпал из номенклатуры. Случайно. Туда, сюда. Предложили ему драмкружок... э... заворачивать. Согласился. Все же какая-никакая, а руководящая

должность. Полтора года всего на кружке... э... просидел, а сейчас три театра периферийных и один столичный бьются из-за него смертным боем. Каждому желательно такого режиссера заполучить. И ничего в этом нет удивительного. Двадцать лет человек собрания по всем вопросам репетировал!

Нет, собрания лимитировать нельзя.

Если уж надо на чем-то экономить, можно в крайнем случае ГИТИС закрыть. И бросить всех, кто актерами стать хочет, на определенного рода собрания. Это ж практика! Кого хочешь играй! Желаете принципиального? Пожалуйста. Идеального? Милости просим. Честного? Еще лучше. Даже умного.

Только одно ограничение пустяковое: не переигрывать. Если избрал амплуа принципиального критика, не впадай в критиканство. Честность не должна переходить в чистоплюйство. А умный не должен умничать. Иной возьмет и рубанет, что председатель взяточник. Его потом вызовут к председателю и спросят: «Где правда жизни? Нет у нас таких председателей». Тут уж и аплодисменты зрителей не помогут.

Словом, хочешь стать настоящим актером, пройди сначала школу хорошо отрепетированных собраний. Потом тебя любой театр с руками оторвет. Хоть драма! Хоть комедия!

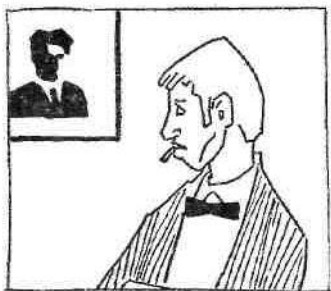
Эпизод первый

У Сергея Коновича Засухи есть лысина. Он носит ее гордо, как правительственную награду.

Сергей Конович неистовый общественник с семимесячным стажем (стаж исчисляется с момента выхода на пенсию).

Этапы прошлой служебной деятельности Засухи напоминают график температуры тяжело больного: повышения и понижения, скачки вверх и вниз. Трудовая книжка Сергея Коновича могла бы служить пособием по теме «Средние звенья административного аппарата в разных сферах нематериального производства». Был момент, когда Засуха имел даже индивидуальную секретаршу. Но он никогда не изменял себе: всегда и везде подчеркивал, что он человек маленький, от которого, в общем-то, ничего не зависит. Это приносило свои плоды при появлении очередной комиссии.

Переход на пенсию явился поворотным моментом в биографии Сергея Коновича. Пенсионер — не инспектор по кадрам. Пенсионера неоткуда уволить. И, расставшись с должностью в отделе кадров, Засуха перестал быть маленьким человеком. Каковым, впрочем, он себя никогда и не считал. От прежних дней остались только привычка к ласкательным словечкам (мероприятице, планчик, докладик, заданье) да некоторая робость перед дверями, обитыми дерматином.

Прошло семь месяцев. Казалось бы, пустяковый срок. Можно ли за это время своротить горы? Какой-нибудь перестраховщик скажет: нельзя. А Сергей

Конович ничего не сказал. Просто взял и своротил. За семь месяцев город ощутил деятельность Засухи в одиннадцати сферах, от внештатного инспектора отдела культуры до внештатного автоинспектора. За это же время Сергей Конович организовал у себя во дворе народную дружину, семь постоянно действующих комиссий и пять кружков по изучению основ. Больше кружков создать не удалось из-за малочисленности населения. Во дворе проживало шесть человек. Причем один из них систематически отлынивал от общественной жизни.

Недавно Засуха получил новое ответственное задание. В городское отделение общества «Знание» пришла засланная по ошибке директива о необходимости «широкой борьбы с феодально-байскими пережитками и разъяснения реакционной сущности шариаата».

Последний местный мусульманин умер лет тридцать назад. Но директиву все же решили двинуть в жизнь. Так возникла оперативная группа пропагандистов по разъяснению вредности шариаата. Засуха как представитель широкой общественности стоял в списке четвертым после председателя общества «Знание» (руководитель группы), заведующего отделом культуры и председателя хорового общества.

Сегодня Сергей Конович проснулся вместе с петухом Колбаскиной, который за стеной принципиально заявлял о наступлении утра.

— Ку-ка-ре-ку,— указывал петух.

«Пора вставать», — констатировал Засуха.

Сергей Конович вылез из постели, натянул пижаму и устремился к письменному столу.

Это был стол общественного деятеля. На нем в деловом беспорядке были расположены приглашения на различные собрания, совещания, заседания, правления, советы. Еще на столе находился календарь, густо покрытый пометками.

Сергей Конович придвинул календарь, надел очки и принялся изучать пометки. Они выглядели непонятно, как вывески научных институтов. Однако автор расшифровывал письма без запинки: «прплгб» (проверить планы городской библиотеки), «у Н. М. узчтш» (у Ноя Михайловича узнать, что такое шариаат), «15 пбовш» (в 15 часов провести беседу о вреде шариаата)...

День предстоял очень насыщенный. Но все это было не главное. Главное содержала бумага в фирменном конверте, полученная вчера

вечером.

Сергей Конович бережно извлек бумагу и в который раз прочел:

«Уважаемый товарищ Засуха! Просим зайти для беседы в удобное для Вас время от 9 утра до 5 вечера.

С уважением

Зав. идеологическим отделом

(А.

Бобров)».

«Каждому всякому так не напишут,— размышлял Засуха.— Уважаемый да еще с уважением... А подпись-то какая кудрявая. Важный человек подписался. Занятой. А мне, пожалуйста: «в удобное время».

Сергей Конович взглянул на часы. До девяти оставалось уйма времени.

«Сволочь,— подумал Засуха о петухе Колбаскиной.— Подлая скотина! Разбудил чуть свет. Надо поставить о нем вопрос».

Положив перед собой чистый лист бумаги, Сергей Конович задумался на секунду. Затем написал адрес: «В комитет партийно-государственного контроля». Теперь дело пошло веселее. Перо мчалось по бумаге, вздымая чернильные брызги и не разбирая дороги, как взбесившийся бык. Засуха ставил вопрос о петухе Колбаскиной.

В соседней комнате раздалось недовольное рычание.

«Мотя проснулся,— отметил про себя Сергей Конович.— Надо завтрак готовить».

Для того, чтобы придать вопросу о петухе окончательную остроту, времени не оставалось. Сергей Конович с грустью остановил перо и поплелся в коридорчик, исполнявший по совместительству обязанности кухни.

Вслед ему неся рык смертельно раненного зверя. Мотя с невероятными трудностями продирался сквозь густые заросли сна.

Эпизод второй

Если говорить откровенно, то Мотя никогда не был Мотей. Документальное имя Засухи-младшего — Мотор. В тридцатые годы Сергей Конович засвидетельствовал свое уважение индустриализации.

Прогрессивное имя доставило владельцу неприятности. Несознательные первоклассники любили класть юного Засуху на пол и нажимать на его нос до тех пор, пока хозяин носа не заревет. Игра называлась «заводить мотор».

После нескольких туров этой игры

Мотор решительно потребовал от отца переименования. Он был назван Мотей и переведен в другой, более здоровый коллектив.

Спустя некоторое время данный коллектив перестал быть здоровым. Здесь, правда, не знали увлекательной игры под названием «заводить мотор», но тоже любили класть Мотю на пол, равно как на землю и асфальт.

Поверхностный наблюдатель заключил бы, что все невзгоды Мотора вызваны его экзотическим именем. Но, как говорят серьезные историки, имя было только поводом. А причина крылась глубже, значительно глубже.

Однажды Сергей Конович пригласил к себе нескольких нужных людей. Шестилетний Мотор случайно услышал разговор двоих, вышедших покурить в коридор.

— Как тебе нравится эта лиса? Лижет Самсон Петровича,— сказал один.

— Засуха всегда был хитрой сволочью,— сказал другой.

Мотор только что видел, как эти люди приветливо улыбались и поднимали рюмки: «За здоровье дорогого хозяина».

— Ты сам сволочь! — закричал Мотор.— Папа, выгони их!

Вышел большой скандал. Испуганный Сергей Конович долго извинялся перед гостями, а потом долго порол Мотора ремнем.

— Идиотина, — приговаривал Сергей Конович,— не мог потихоньку меня информировать. Я бы только спасибо сказал.

В этот день Мотор сделал два открытия: 1) папа не самый сильный; 2) говорить правду лучше всего потихоньку.

В школе Мотор частенько беседовал с учителями наедине и тактично сообщал им разные полезные сведения: кто разбил окно, кто надел на скелет пальто, кто опрокинул чернила на учительском столе.

Были случаи, когда учителя почему-то не хотели пополнять свои знания и говорили Мотору разные обидные слова. Таких Засуха переставал любить.

Но бывали и другие. Они внимательно все выслушивали, благодарили и сообщали Мотору, что он настоящий пионер (позднее — настоящий комсомолец).

После каждой такой беседы одноклассники клали Мотю на пол, на землю и, наконец, на асфальт.

За десять лет учебы Мотор Засуха переменял тринадцать здоровых школьных коллективов. На проверку всегда выходило, что они не такие уж здоровые, как казалось на первый взгляд.

Лежа на полу, на земле, на асфальте, Мотя имел возможность сделать вывод, что не вмешиваться в чужие дела спокойнее, чем вмешиваться. Этот вывод он и принес из школы в институт вместе с аттестатом зрелости. Мотя был средним студентом. Он в меру учился, в меру пил водку, в меру гулял с девочками. Ни одно из этих занятий он не доводил до крайности и благополучно получил диплом учителя русского языка и литературы. Ехать в село ему, разумеется, не хотелось. Но Мотя знал, что отказ чреват неприятными последствиями, и поехал. А через год бесшумно вернулся и устроился на работу в техникум. ...Мотя взревел последний раз и выбрался из-под одеяла.

— Эй! — крикнул он в пространство.— Как там со жратвой?!

Ответа не последовало.

Мотя обиделся.

— Ты что, оглох? Так прочисть свои локаторы!

Из другой комнаты донеслись поспешные шаги и ласковый тенорок с легким ботиночным скрипом. Сергей Конович доложил:

— Все готово. Не волнуйся, Мотечка.

— Ладно,— миролюбиво сказал Мотя,— не каркай.

Он держал отца в строгости с тех пор, как понял, что тот не самый сильный.

За завтраком Сергей Конович долго смущенно покашливал и, наконец, спросил.

— Мотечка, скажи, пожалуйста, сколько платят поэтам за стихи?

— А тебе зачем?

— Интересноюсь.

Мотя очень не любил, когда его отвлекали от дела.

— Ты можешь дать человеку спокойно пожрать, а потом уже интересоваться?!

Сергей Конович понял всю неуместность своего любопытства.

— Молчу, молчу. Кушай спокойно.

И все-таки через несколько минут не удержался.

— Мотечка, мне очень нужно знать. Сколько, к примеру, заплатят, если шесть тысяч строчек?

— Да отвяжись ты! Шесть тысяч и заплатят.

Сергей Конович бережно подержался за сердце.

— Новыми?!

— А то какими!

Сергей Конович встал и торжественно сказал:

— Мотечка, мы с тобой... Но тут же перебил себя:

— Нет, об этом я скажу тебе вечером.

— Оно и лучше,— пробурчал Мотя, у которого было дурное настроение.— А то раскудахтался ты сегодня не в меру. Аж голова гудит.

— Она не от того гудит, а от...

— Поговори, поговори у меня. Сам знаю, что, отчего и почему.

— Ты бы все-таки поменьше, а? Вчера опять меня бить собирался.

— Чего-то не помню. За что?

— Да все за имя. За Мотора. Будь он трижды проклят.

— И надо бы. Только идиот мог такое имя придумать.

Конец завтрака прошел в молчании. А после завтрака...

Эпизод третий

На улице было много голубей, много стрелковых тиров и много цыганок. Сергей Конович последние семь месяцев часто размышлял о судьбах своего города. Судьбы ему нравились. В городе проживали самые миролюбивые и самые мужественные жители. Об этом говорили голуби и тирры. О чем говорили цыганки, Сергей Конович еще не решил. Впрочем...

Не успел Засуха выйти из дома, как оказался в кольце смуглых красавиц в возрасте от сорока пяти до шестидесяти лет. И все они говорили... говорили... говорили...

Сергей Конович был убежденный атеист. Он прорвал окружение и степенно зашагал дальше. Точно нацеленный удар в спину настиг его:

— Всю судьбу расскажу... Важную бумагу получил... Большой интерес в казенном доме иметь будешь...

«Откуда она знает? — подумал Сергей Конович, замедля шаг.— Ишь ведьма! Все точно изложила».

Его колебания были замечены.

— Я не цыганка, я — сербиянка. Всю правду скажу. В Москве будешь жить, на балконе чай пить... Подари что-нибудь... Все скажу....

«Гм,— думал Сергей Конович,— похоже, она действительно что-то знает... В Москве!.. А почему бы и нет?.. Наука не все объясняет».

И он дал цыганке-сербиянке пятак.

Но дальше гадалка понесла какую-то чушь «О черноглазой, которая любит — ждет»

все простит.

Сергей Конович сердито размышлял: а не забрать ли пяточок обратно?

Черноглазые не волновали его уже лет с десяток.

Почуввав перемену в настроении клиента, «сербиянка» быстренько выложила остатки пророчества и, поблагодарив «золотого-серебряного», исчезла.

«Наплела чепухи, а пятак давай! Грабеж среди бела дня. Куда только общественность смотрит? Расплодили тунеядцев!» — мысли Сергея Коновича были горьки и ядовиты.

Засуха вошел в подъезд белого двухэтажного дома.

Несколько секунд он потоптался около двери с внушительной табличкой «**Заведующий идеологическим отделом А.Е.Бобров**». Около таких дверей ему всегда казалось, что он пришел не вовремя.

Сергей Конович пощупал в кармане бумагу, где было написано «уважаемый» и «с уважением». Это придало ему мужества и он почтительно поцарапал черный дерматин двери.

Дверь молчала.

Сергей Конович немного освоился с ней и осмелел настолько, что решился чуточку приоткрыть ее.

На письменном столе, боком к двери, сидел молодой парень в клетчатой рубашке и неприлично кричал в телефонную трубку:

— Ты деградируешь, старик!.. Твой материал похож на вареную медузу...

«Ишь, забрался в чужой кабинет и безобразничает», — подумал Сергей Конович. Засуха очень не любил таких вот бойких молодых людей.

Парень бросил трубку, спрыгнул со стола и увидел в приоткрытой двери глаз Сергея Коновича.

— Заходите,— крикнул парень. Заведующего не было, и стеснительность Засухи мгновенно испарилась. Он с достоинством вошел в кабинет и уселся на диване.

— Вы ко мне? — спросил парень.

— Нет,— сухо ответил Сергей Конович,— меня приглашал сам товарищ Бобров. Парень усмехнулся и сказал:

— Я — Бобров.

«Порядочки пошли! — испуганно и зло подумал Сергей Конович.— Назначают всяких сопляков. Поди разберись—заведующий он или нет».

Ошибка требовала немедленного исправления. Засуха вскочил с дивана.

— Товарищ Бобров! Как же я вас сразу

не узнал! Старость, как говорится, не радость. Зрение не то. Прямо удивительно, как я вас сразу не узнал.

— А мы вроде до сих пор не встречались.

— Ну, как же! Где вам меня запомнить! Вы человек видный, занятой. А я... Что ж я...

— У вас ко мне дело?

— Я — Засуха. Сергей Конович Засуха.

— А-а? Так это вы написали поэму «Воспоминания о моем участии в воскреснике 6 мая 1925 года?».

— Совершенно верно.

— Присаживайтесь. Будем разговаривать.

Бобров прошел за свой стол, выдвинул ящик и вытащил толстенный альбом для рисования, на титульном листе которого были изображены многочисленные красные ромашки. Сергей Конович не держал никаких цветных карандашей, кроме красного, в обрамлении огненных ромашек было выведено название поэмы и полное имя автора.

— Газета не сможет напечатать вашу... поэму,— сказал Бобров.

«Обиделся,— горестно подумал Сергей Конович,— так и есть. Обиделся, что я его сразу не признал».

Терять было, в общем, нечего, и Засуха решил не отступать.

— Позвольте узнать почему?— вкрадчиво спросил он.

— Какой смысл вашей поэмы?

— Идеологически выдержанный.

— Я не об этом. Вот, например, у вас такие строчки:

Мы идем боевыми колоннами

И лопаты у нас на плечах.

Будем делать мы улицы зелеными

Классовым врагам на страх.

— А что? — сказал Сергей Конович. — Все так и было. Я отлично помню.

— Возможно,— вздохнул Бобров.— Но почему улицы зеленые на страх врагам?

— Потому что на воскреснике посажены. А воскресник коммунистический. Раз коммунистический, значит на страх врагам.

Боброву все было ясно. Но он не удержался:

— У вас тут есть еще обращение к старому забору:

Ты стоял здесь века и столетья,

Людам трудящимся к свободе

загораживал путь,

А теперь, как и весь мир насилья,

Мы разрушим тебя как-нибудь.

— Это классовый забор, — поспешил пояснить Засуха. — От старого мира.

Бобров с трудом удержался от смеха.

— Знаете, — сказал он, — в ваших стихах есть один существенный недостаток.

— Какой? — настороженно спросил Сергей Конович.

— Они не имеют ничего общего с поэзией.

— Как это не имеют, когда все в рифму?

— Рифм мало. Образность нужна.

— Какая еще образность? — не понял Засуха.

— Такая. Вы Пушкина хотя бы читали?

— При чем тут Пушкин? Это патриотические стихи.

Бобров не сдержал улыбки.

— Значит, не напечатаете? — с ноткой угрозы спросил Сергей Конович, заметив эту улыбку.

— Нет.

— Значит, вы против патриотических стихов?

— В данном случае против. «Ничего, — думал Сергей Конович по пути из редакции, — ты мне мои шесть тысяч новыми все равно выложишь. Я тебе соли на хвост насыплю».

И он стал прикидывать, куда лучше пожаловаться на Боброва: в комитет партгосконтроля (Засуха очень любил эту организацию, сюда можно было писать обо всем), в Совет министров или прокурору.

Эпизод четвертый

Для чего предназначена книга? Кое-кто, пожалуй, заявит, что книгу следует читать. Это невежественный подход к делу.

Книгу надо продвигать, ее надо доводить, ею надо охватывать. Любой библиотекарь знает. Ему, библиотекарю, вышестоящие культпросветруководители никогда не зададут примитивного вопроса:

— Как учите людей понимать хорошие книги?

Нет, вопросы формулируются с профессиональным изяществом:

— Как продвигаете политическую книгу?

— Как доводите атеистическую литературу до массового читателя?

— Как охватываете сельскохозяйственной книгой?

Сергей Конович не библиотекарь. Активным читателем его тоже едва ли назовешь. Фамилия Засуха никогда не значилась в библиотечных формулярах. И все-

таки Сергей Конович знает все, что нужно делать с книгой. Об этом ему рассказали на семинаре внештатных инспекторов в отделе культуры. Засуха сидит в кабинете директора библиотеки и ведет допрос.

Директор, белокурая девушка, маленькая и пушистая, краснеет, заикается. Сергей Конович — первый инспектор в ее трудовой жизни. Инспектор кажется всеведущим и всемогущим, как господь-бог (впрочем, известно, что бога нет, а инспектор — рядом).

Сергей Конович чувствует, что перед ним трепещут, и блаженствует.

Выясняются некоторое недопродвижение и крупный недоохват.

— Что же это вы, товарищ Сидорова? — ответственным голосом спрашивает инспектор. — Недопонимаете или недооцениваете?

Окончательно сбита с толку товарищ Сидорова невольно начинает говорить инспекторским языком:

— Я допонимаю, честное слово, допонимаю. Только...

— Оправданыица вам, знаете, не помогут. Нет, не помогут. Какая задача стоит на сегодняшний день?

Задач много (только в последнем приказе по управлению их около двадцати), и Сидорова мнется, не зная, что имеет в виду могущественный человек.

— Не знаете. А задача у вас такая: стать еще боевитей.

Сидорова кивает. Она согласна быть боевитей, только ждет на этот счет конкретных советов. Но Засуха оставляет широкое поле для развития инициативы. Он переводит разговор на другое:

— Дайте-ка ваши массовые, меропрятыйца.

Сидорова оживляется. Читательские конференции и вечера запланированы интересные.

Засуха лениво скользит глазами по листу, вдруг останавливается, встревоженно смотрит на Сидорову.

— Э-э... А почему у вас тут этот Роберт Бернес?

— Юбилей.

— А зачем?

— Ну... — Сидорова растеряна. — По-моему, этот человек заслуживает.

— Да? А, по-моему, не заслуживает.

— Но читатели интересуются, и мы...

— Нельзя идти на поводу у читателей. Мало ли что они захотят... Вы вот вечер

запланировали, посвященный этому гражданину, а о нем в газетах как-то писали насчет морального облика.

Сидорова молчит, так как никогда не читала в газетах о моральном облике Роберта Бернса.

— Не читали,— Засуха правильно расценил ее молчание.— А надо бы, надо периодическую печать просматривать. Мы, культработники, должны быть всесторонне развитыми людьми... И, собственно, почему библиотека должна отмечать юбилей певца?

— Какого певца?

— Ну, этого, Бернеса.

— Да что вы! Вы, наверное, перепутали... Роберт Бернс не певец, а великий поэт.

— Поэт? — сурово говорит Засуха.— Гм...Что ж, возможно, что он и поэт... Впрочем, я еще проверю, какой он поэт, проконсультируюсь. А то я знаю этих поэтов... Пока приостановите юбилей. До особого распоряжения... А на охват бросьте все силы. И, главное, продвигайте, продвигайте...

Он уходит, а товарищ Сидорова сидит задумавшись. Ей начинает казаться, что инспектор...

Сергей Конович не спеша движется по улице. Приятной усталостью давит на плечи с пользой прожитый день. Немножко неудачно получилось в редакции. Но стихи-то патриотические. Не пропадут. Единственное, что беспокоит Засуху, — несостоявшаяся беседа о вреде шариата. Не осталось времени, чтобы потолковать с соседом Ноем Михайловичем и узнать у него, что такое шариат. А ведь завтра к концу дня надо отчет представить.

«Вечером-то я Ноя поймаю,— думает Сергей Конович, — а завтра в обед можно и беседку провести».

Эпизод пятый

ЗА ПОЛЧАСА ДО СОБРАНИЯ

Довольно жить законом,
данным Адамом и Евой.
Клячу истории загоним.
Левой!
Левой!
Левой! -

Мотя швырнул красную книгу на диван. Диван зачавкал пружинами, недовольно покрякал и успокоился.

— Язык об тебя покарежишь! — Мотя с ненавистью смотрел на второй том сочинений

Маяковского.— Ты-то умер и — ничего, а я всю жизнь мучайся до самой пенсии. И кто придумал учить Маяковского! Сергей Конович перестал заострять вопрос о Боброве, который «своей личностью и поведением не соответствует и тормозит коммунистическое воспитание». Он осторожно вошел в комнату сына и, хотя кроме них двоих никого не было, шуршащим шепотом сказал:

— Ты бы потише, Мотечка, неровен час, кто услышит.

— Что услышит? Чего ты там бормочешь?

— Как ты насчет Маяковского высказываешься.

— А я у себя дома. Что хочу говорю.

— У Колбаскиных все слышно. Они, небось, целый день под стенкой подслушивают. Подслушают, а потом донесут. Знаешь ведь, какие они сволочи... Да и Ной тоже...

— Все равно я этого Маяковского терпеть не хочу,— тоже переходя на шепот сказал.

Мотя.

Он нехотя протянул руку, взял с дивана второй том, раскрыл его и продолжал работу над завтрашней лекцией.

«В известном стихотворении «Левый марш» замечательный советский поэт Владимир Владимирович Маяковский с огромной силой раскрыл пафос революции. Нас покоряют в этом стихотворении чеканные образы, четкий ритм, глубина содержания»,— писал Мотя.

Сергей Конович посмотрел на часы и сказал:

— Скоро на собрание.

— Какое еще собрание? — откликнулся Мотя и положил ручку.

— Дворовое.

— Опять? Нет уж, сам заседай.

— Мотечка, это очень важное собрание. Тебе обязательно надо пойти. А то люди скажут, что ты у меня общественно-пассивный.

— Ну и черт с ними! Плевать я хотел на то, что они скажут! Подумаешь, люди! Пузатый Ной! Или эта крыса Колбаскина.

— Мотечка, умоляю тебя. Пожалуйста... тише. За стенкой все слышно.

— Ладно. И на кой черт тебе, вообще, эта общественная деятельность? Давно хотел спросить. Была бы у меня пенсия, в гробу бы я видел эти дурацкие собрания.

— Прости, Мотечка, скажи, пожалуйста, ты всю жизнь хочешь прожить в этой дыре?

— При чем тут дыра?
— А при том, что крупному общественному работнику быстрее дадут новую квартиру.
— Ишь ты, мудрец! — восхитился Мотя.— И скоро тебе квартиру предоставят?
— Я уже закидывал удочки в исполкоме. Председатель благосклонно отнесся. Я еще ввернул, что ты женишься, а площади нет.
— Ты там не очень загибай! Жениться! Очень нужно. На мой век девок хватит.
— Я же это так. Для дела. Кто же тебя заставит. Может, побольше квартирку-то... Получим, а там дело хозяйское.
— Хитрец ты у меня.
— Так пойдешь на собрание? Не будешь подрывать мой авторитет?
— Раз дело квартирой пахнет...
— Вот молодец! Замечательный у меня сын! Умница!
— Ну, раскудахтался! — благодушно сказал Мотя. — Довольно.
— Мотечка, а может, выступишь на собрании?
— Тебе дай потачку, так на голову сядешь.
— Я даже для тебя выступленьице составил. На случай, если захочешь. А хорошо бы. Солидно. И квартирка опять же... Там из исполкома будут и из газеты...
— Давай твою бумажку. Погляжу, что ты там нацарапал. Глупость, наверно.
— А ты погляди, поправь где надо. Ты же у меня умный, образованный... Пойду, еще раз предупрежу. Неровен час, разбегутся.
Сергей Конович уходит, а Мотя углубляется в оставленную ему бумажку.
«Старикан — деляга что надо,— думает Мотя.— Этакую авантюру завинтил! А что, может, и оторвет квартирку... А речуга-то, речуга! Силен... Надо будет чего-нибудь из Маяковского подпустить... Как квартира будет — амба! Никаких собраний. Своего трепа в техникуме хватает...»

Эпизод шестой

Вольдемара душил кошмар. Большущая лисица ползла к нему по-пластунски. Вольдемар всем своим существом рвался с места. Однако ноги не слушались его. А лисица все ближе... ближе...

Вольдемар вздрогнул и открыл один глаз.

— Спи, Вольдемар, еще рано.

Он покосился в сторону голоса. На

соседней подушке виднелся длинный нос, обрамленный пожелтевшими от времени кружевами,

Вольдемар выбрался из-под одеяла, энергично похлопал себя по бокам, выгоняя остатки неприятного сна, вспрыгнул на спинку кровати и воскликнул вполголоса:

— Ку-ка-ре-ку!

Да, это был петух. Тот самый петух Колбаскиной, о котором Сергей Конович Засуха сигнализировал в комитет партгосконтроля. Впрочем, сказать о Вольдемаре, что он петух, это все равно, что ничего не сказать. Вольдемар — полноправный и даже привилегированный член семьи Колбаскиных. Он мог чувствовать себя ущемленным только в одном: домовая книга не содержала никаких записей о Вольдемаре Колбаскине. Однако петух не придавал этому факту никакого значения. Ефросинья Иосифовна Колбаскина при всяком случае говорила: «Ах, моя милочка, в Вольдемаре смысл моей жизни». Этого для петуха было вполне достаточно. Правда, он не знал, что несколько лет назад смысл жизни Ефросиньи Иосифовны находился в лисе Примадонне, а еще раньше—в коте Маркизе. Вольдемар не ревновал к прошлому. Он был достаточно современен для этого.

Однако время завтрака уже наступило, а Ефросинья Иосифовна продолжала спать, как ни в чем не бывало. Это переходило всякие границы. Вольдемар, кипя от возмущения, разразился бранью:

— Кукареку! Ку-ка-реку! — гневно кричал, он.

Кружева на соседней подушке зашевелились.

— Вольдемар,— сказала Ефросинья Иосифовна, — зачем так громко.

— Ко-ко, — раздраженно ответил петух.

— Я понимаю, что ты хочешь кушать. Но этот подлец, Засуха, уже сегодня напишет на тебя жалобу.

— Ко,— презрительно заметил петух.

— Ты совершенно прав, мой милый. Мы и сами в любой момент можем написать, как этот хулиган Мотор вчера ломал стулья.

— Ко-ко-ко,— согласился петух.

Ефросинья Иосифовна — высокая, сухощавая женщина. Когда-то знакомая ее знакомой дружила с бывшей горничной одной графини. Это наложило на привычки Колбаскиной оттенок аристократизма. Ефросинья Иосифовна любила выпить «капельку», сыграть в карты «по маленькой» и,

находясь в обществе, почитала за долг не молчать ни секунды. И сейчас, готовя завтрак Вольдемару, Колбаскина вела с ним непринужденную светскую беседу.

— Вольдемар, кушать подано,— сказала Ефросинья Иосифовна.

Петух спрыгнул с кроватной спинки и, будто устыдившись этого резкого движения, степенно прошагал к столу. Здесь уже стояла тарелочка со свежими земляными червями, которых поставляли Колбаскиной соседские мальчишки, другая тарелочка с тяжелыми пшеничными зёрнами и зеленая чашечка с водой. На чашечке золотыми буквами было написано: «Незабвенному Вольдемару от любящей Е. И.»

Колбаскина повязала петуху на шею накрахмаленную салфетку, и он с аппетитом клюнул первого червяка.

Старинные часы в дубовом резном футляре проворковали двадцать восемь раз. Ефросинья Иосифовна привычно произвела необходимые расчеты и установила, что уже четверть седьмого.

— Вэнэра,— сказала Ефросинья Иосифовна,— вставай.

На кровати в углу комнаты спит длинноногая девушка. Это дочь Ефросиньи Иосифовны — Венера Колбаскина. Ей 29 лет. Шесть из них Венера употребила на поиски своего пути в жизни. Наконец, путь отыскался — в сельскохозяйственном институте был недобор, и в прошлом году Венера расписалась в получении диплома зоотехника. За несколько секунд до этого акта она отчетливо поняла, что ошиблась профессией. Хорошо, когда вовремя поймешь свою ошибку, можно тут же ее исправить. И Венера исправилась, поступив ученицей на швейную фабрику.

— Вэнэра,— повторила Ефросинья Иосифовна,— мне некогда с тобой валандаться, я кормлю Вольдемара.

Венера продолжала спать.

Ефросинья Иосифовна встала из-за стола и потрясла дочь за плечо.

— Уже двадцать минут седьмого. Ты вынуждаешь меня портить аппетит Вольдемару. Он терпеть не может завтракать в одиночестве.

Заботы о тех, в ком находился смысл ее жизни, естественно, не оставляли Ефросинью Иосифовну свободного времени. Поэтому сам факт существования Венеры был неприятным и раздражающим. Ефросинья Иосифовна частенько мечтала о том, как чудесно жили бы они вдвоем с Вольдемаром. Венера, как личность менее утонченная, была убеждена, что

лучше всего жить и без Вольдемара и без Ефросиньи Иосифовны.

Венера окончательно проснулась. — Граф Вольдемар еще не подавился? — иронически спросила она.

— Вэнэра, не смей так говорить! В нем смысл моей жизни.

— Какие потрясные похороны можно было бы соорудить.

— Не смей! Накаркаешь еще... Кушай, Вольдемар, спокойненько, не спеши.

— А мне, конечно, завтрака нет? — мрачно спросила Венера.

— Господи! Можно подумать, что у меня есть свободное время! — возмутилась Ефросинья Иосифовна.

Часы проворковали два раза.

— Опаздываю! — Венера спрыгнула с постели.— И все из-за этого проклятого Вольдемара! Никогда вы не можете разбудить вовремя!

— Вольдемар не виноват, что ты ленивая корова.

— Если я корова, то вы — курица!

— Замолчи, малохолдная! У Засух все слышно. Подумают, что у нас скандал. Ишь притихли... Небошь, целый день под стенкой подслушивают.

Пока Венера одевалась, они успели обменяться примерно двумя десятками реплик, в которых фигурировали представители животного царства, как домашние, так и дикие.

Эпизод седьмой

В красном уголке красной была только скатерть на длинном столе. Все остальные предметы имели устойчивый серый цвет.

У самого краешка стола робко примостился молодой человек. Это — пропагандист, седьмой в нынешнем году.

Новый пропагандист нервно вертел в руках шестиполосную газету, искоса поглядывая на разбитных девчонок. Был час обеденного перерыва, и этих девчонок свела в красном уголке железная рука комсорга. Девчонки жевали бутерброды, исправляли дефекты в прическах, о чем-то очень тихо говорили и над чем-то очень громко смеялись. Пропагандист был убежден, что и тихие разговоры и громкий смех имеют к нему непосредственное отношение.

Рядом с пропагандистом стоял энергичный комсорг. У него был вид полководца, который готов пожертвовать своими лучшими полками, но выиграть бой.

Периодически комсорг говорил

входящим:

— Проходите, товарищи, проходите. Рассаживайтесь.

Эти сугубо штатские слова он произносил так, что хотелось стать по стойке «смирно» и о чем-то рапортовать.

Впрочем, никто не рапортовал. Девчонки продолжали, смеяться.

— Товарищи,— сказал комсорг,— прошу напряженной тишины. Здесь присутствует наш новый пропагандист Лев Иванович Кролик. Прошу вас, товарищ Кролик. А я — на бюро.

Пропагандист вскочил. Кашлянул.

— Приступим, товарищи, к нашему занятию.— В горле пискнул мышонок.

И девчонки пискнули. От удовольствия. Пропагандист справился с мышонок.

— Сегодня мы с вами будем читать передовую статью «Выше темпы борьбы за большое молоко».

И он поспешно отгородился от девчонок газетой.

Первые десять минут все шло нормально. И вдруг Анька Маленькая вкусно зевнула и сказала:

— Ох и сухое молоко! Без крющона не проглотишь.

Пропагандист вынырнул из-за газеты и растерянно сказал:

— Разве я виноват... Меня обязали... Я понимаю, что вам неинтересно. Только что же поделаешь...

«Ох, эта Анька,— подумала Венера Колбаскина,— вечно вылезит. Подумаешь, важность — полчаса поскучать. Дождется неприятностей».

Дождаться неприятностей было незачем. В дверях красного уголка уже грозно стоял Олег Владимирович Потехин. Он медленно прошагал к пропагандисту и молча остановился рядом с ним. Потехин всегда несколько минут молчал прежде чем что-то сказать. Молчал многозначительно и угрюмо. Это называлось у Олега Владимировича: «Внушать чувство ответственности».

— Недурно, — сказал Потехин и сделал для верности еще одну паузу.— Недурно, молодой человек, вы внедряете политические знания... Неинтересно, значит? — и он упер в девчонок глаза, похожие на пистолетные дула.— Неинтересно расширять свой политический кругозор?

Потехин повернулся к пропагандисту.— Как ваша фамилия, молодой человек?

— Кролик. Лев Кролик.

— Так вот, товарищ Кролик. Рано вам

нести свет в массы. Сами незрели. Я попрошу райком прислать человека покрепче.

— Точно, не дозрел я,— радостно согласился пропагандист.— Я и в райкоме говорил, что не гожусь для этого дела.

Пожалуйста, не забудьте сказать им, что я незрел, а то еще куда-нибудь пошлют.

Он свернул газету и убежал.

— А вам, Анна Сазонова, сказал Потехин,— придется предстать перед комитетом комсомола и отчитаться в своих взглядах.

— Отчитаюсь,— беспечно крикнула. Анька Маленькая,— что-то, а отчитываться мы здесь научились.

Потехин почему-то оставил реплику без ответа и поспешно направился к выходу, Когда он вышел из красного уголка, его догнала Венера.

— Олег Владимирович, я хочу... Все, что вы говорили им, никак не относится ко мне. Всепобеждающие идеи я воспринимаю сердцем.

Потехин удовлетворенно качнул головой,

— Мне,— продолжала Венера,— дорога каждая строчка документа, который мы здесь читали. Я готова бесконечно читать и перечитывать его. Ведь подъем сельского хозяйства — кровное дело каждого советского человека, на каком бы участке коммунистического строительства он ни находился.

— Дорогая товарищ... ммм...— растроганно сказал Потехин, — я не имел в виду обидеть вас. Я вижу, что вы — человек зрелый, имеете устойчивое мировоззрение... Я давно присматриваюсь к вам, товарищ... ммм...

— Колбаскина,— подсказала Венера.

— Да-да... Так вот имеется мнение, что у вас есть хватка... да, хватка... Мы будем иметь вас в виду... Такие люди нам нужны...

Венера ликовала. Первый шаг к осуществлению мечты был сделан. Ведь когда тебе говорят: «Такие люди нам нужны», это значит, что собираются куда-то выдвинуть. А Венера всю свою сознательную жизнь мечтала, чтобы ее выдвинули. Хоть раз. Потом-то она сама о себе позаботится.

Эпизод восьмой

— Ты, конечно, выпьешь чашечку кофе дорогая,— говорила Ефросинья Иосифовна.

— Фрэня, ей-богу, я сыта по горло — отвечала Сибилла Пантелеевна, подруга Колбаскиной с донэповским стажем.

— Но, Биллочка, ты меня обидишь. Маленькую чашечку.

— Мерси, Фрэня, никак не - могу,

— Ты же знаешь, что я не могу пить кофе одна. Сделай это для меня.

— Право, Фрэня, как-то неудобно даже.

Когда ни зайдешь к тебе, всегда угощение. Я ведь просто хотела повидать тебя.

— Ты не представляешь себе, как я рада, Биллочка.

Сибилла Пантелеевна — вдова крупного инженера. При жизни мужа она успешно тратила заработанные им деньги и в этом было ее главное жизненное призвание. Но муж умер, и Сибилла Пантелеевна с возмущением убедилась, что пенсии не хватает даже на содержание домработницы. Приходилось искать какой-то выход. И он был найден.

Сибилла Пантелеевна соорудила маленький календарик. В нем значились только дни недели. Против каждого дня стояла фамилия кого-то из знакомых, у которых в этот День Сибилла Пантелеевна завтракала, обедала и ужинала. В свете этого открытия пенсия выглядела совсем не мизерной.

Понедельник — день Колбаскиной. Здесь, согласно расписанию, Сибилла Пантелеевна пила кофе и, если удастся, обедала. Все это было прекрасно известно Ефросинье Иосифовне.

Колбаскина думала: «Ни стыда, ни совести у человека. Ходит каждую неделю. Как будто я деньги кую. У самой пенсия побольше моей... Опять новое платье сшила... Небось, проторчит до обеда».

Сибилла Пантелеевна думала: «Последнее время Фрэня стала ужасной скрягой. Интересно, пригласит она меня обедать или нет?»

— Биллочка, ты обязательно выпьешь чашечку,— говорила Ефросинья Иосифовна.

— Мне, право, совестно, Фрэня,— говорила Сибилла Пантелеевна.

На столе появился кофейник и ваза с печеньем. Спор прекратился.

— Какая ты, право, Фрэня,— сказала Сибилла Пантелеевна, подтягивая к себе чашку одной рукой и запуская другую в печенье,— всегда настоишь на своем.

— Вот умница Биллочка! Я знала, что ты настоящий друг и составишь мне компанию,— сказала Ефросинья Иосифовна.

Беседа вступила во вторую фазу. Сибилла Пантелеевна уже не отрывалась от кофе и печенья. Она подбрасывала в костер

светского разговора лишь самые тонкие щепочки.

— Ты знаешь, Биллочка,— говорила Ефросинья Иосифовна,— современные врачи форменные невежды.

— Невежды, — вторила с полным ртом Сибилла Пантелеевна.

— Как им только дипломы дают!

— Дают. Даже диагноз поставить не в состоянии.

— Не в состоянии.

— Больной мучается, а они твердят — здоров.

В такой момент приличия требовали проявить повышенную заинтересованность. И Сибилла Пантелеевна проявила:

— Тебе нездоровится, Фрэня? — спросила она.

— Боже, при чем тут я? Я говорю о Вольдемаре.

— Вольдемар! А что с ним?

— Представляешь, неделю назад он съел за завтраком не восемь червячков, как обычно, а шесть. И совершенно отказался от морквы. Я пришла в ужас.

— Ужас.

— Я заподозрила язву желудка.

— Желудка.

— Необходимо было принимать срочные меры.

— Меры.

— А эти ветеринары говорят: не волнуйтесь. Коновалы!

— Коновалы.

— Но я им вправила мозги. Вольдемара просветили на рентгене.

— Рентгене.

— Язвы, слава богу, не обнаружили. Но я подозреваю, что у него повышенное давление.

— Давление.

— Эти ветеринары! Зла на них не хватает! Говорят, что петухам кровяное давление измерить невозможно.

— Невозможно?

— Не могут понять, что это не просто петух. Это мой Вольдемар! В нем смысл моей жизни.

— Жизни.

— У мужа тоже было повышенное давление. И он умер (царство ему небесное). Чего же стоит после этого медицина!

— Медицина.

Время летело незаметно. Сибилла Пантелеевна выпила пять чашек кофе и съела все печенье. Ефросинья Иосифовна рассказала не только о состоянии здоровья Вольдемара.

Выяснилось, что один теленок покончил жизнь самоубийством, бросившись под поезд (теперь столько самоубийств! Ужас!), что в магазинах скоро не будет горчицы (надо запастись), что в город откуда-то приехала банда «Черный пес» (небось, кто-нибудь на поруки взял).

Часы в дубовом футляре проворковали тридцать два раза. Ефросинья Иосифовна и тут же установила, что до прихода с работы Венеры осталось сорок минут. После долгих уговоров Сибилла Пантелеевна согласилась отобедать.

Эпизод девятый

ЗА ПОЛЧАСА ДО СОБРАНИЯ

Кто самые честолюбивые люди на земле? Не актеры, не писатели, не полководцы и не политические деятели. Нет. Домашние хозяйки. Чтобы убедиться в этом, достаточно понаблюдать, как буквально раздувается от гордости хозяйка, когда хвалят ее стряпню. И она же никогда не упустит случая медовым голосом сказать: «Изумительно, и все-таки чего-то здесь не хватает», отведав борщ, приготовленный другой женщиной.

Образ жизни, который вела Сибилла Пантелеевна, заставил ее прекрасно изучить психологию домашних хозяек. После каждой проглоченной ложки, она сладко жмурилась, причмокивала и мурлыкала:

— Божественно.

— Фрэня, ты — волшебница.

— Ты обязательно должна рассказать, как это делается.

Ефросинья Иосифовна грелась в лучах славы и почти готова была простить Сибилле, что та приходит обедать каждую неделю.

Венера, погруженная в мечты о будущем выдвижении, молчала. Но ее молчания никто не замечал.

Шел увлекательный рассказ о болезнях.

Ефросинья Иосифовна повествовала о том, чем и когда она болела. В каждом случае она спасалась чудом, при помощи никому неизвестного лекарства, о котором узнавала на базаре от незнакомой старушки или незнакомца старичка.

Но Ефросинья Иосифовна находилась в положении лектора-атеиста на собрании безбожников.

Сибилла Пантелеевна размышляла о том, есть ли сегодня что-то на третье и дадут ли ей этого третьего. Или дождутся, пока она уйдет.

Венера же давно привыкла отключаться

от внешнего мира, когда мать занимает кого-то разговором.

Редкие реплики, которые механически подавала рассказчице Сибилла Пантелеевна, были аплодисментами вежливости, которыми награждают всякого лектора. Даже того, которого не слушают.

Легкий стук в дверь наделал переполоху.

— Боже, кого еще несет? — бормотала Ефросинья Иосифовна, заталкивая сковородку с голубцами в платяной шкаф.— И вечно в обед.

Сибилла Пантелеевна отчетливо поняла, что третьего не будет, и потянулась за своей шляпкой.

— Милости просим, — крикнула Ефросинья Иосифовна, когда на столе ничего не осталось.

Вошел улыбающийся Засуха.

— О! Сергей Конович, — проворковала хозяйка, — что же вы так запоздали? А мы только что отобедали. Зайди вы чуть раньше, покушали бы с нами.

— Весьма благодарен.

— Совсем вы нас позабыли. Не заходите. А живем через стенку.

— Все дела, знаете.

— Подорвете свое здоровье с этими делами.

— Для людей стараюсь. Такое время сейчас. Коммунизм строим. М-да...

— Да, конечно.

— Как ваш Вольдемар?

— Слава богу, сейчас как будто ничего себя чувствует. А на прошлой неделе я очень за него тревожилась,

— Его надо беречь. Такого другого по всему свету не найдешь... А я, собственно, к вам по делу...

— Какое дело, Сергей Конович?

— Вы не забыли, что сегодня общее собрание нашего дворового коллектива?

— А о чем разговор будет?

— Не хочется, знаете, так вот в спешке объяснять. А вопрос очень важный. И вас касается непосредственно.

Молчавшая до этого Венера ошетижилась.

— Сергей Конович, если опять то же самое, то я сейчас могу сказать: ничего у вас не выйдет! За мытье уборной платить не будем. Мы с мамой ходим на базар.

— Этот вопрос тоже ждет своего решения,— мрачно сказал Засуха.— И мы его решим в свое время. Но сегодня речь идет не об этом. Сегодня у нас мероприятие огромной

важности. Прошу не опаздывать.

Он ушел. Следом поднялась и Сибилла Пантелеевна.

— Фрэня, мне пора.

— Биллочка, куда тебе спешить? Посидела бы еще.

— Я и так отняла у тебя массу времени.

— Что за пустяки! Я всегда рада тебя видеть. Заходи обязательно.

— Да уж не знаю, когда теперь выберусь.

— Нехорошо так говорить, Биллочка. Я обижусь. Заходи почаще.

— Ничего не могу тебе обещать. Но постараюсь. Я ведь так люблю, тебя, Фрэня.

— А я без тебя страшно скучаю.

— Прощай, милая.

— До скорой встречи.

Они деловито поцеловались.

Эпизод десятый

Ной Михайлович Султан-Гирей возглавляет на рынке ларек с принадлежностями женского туалета.

У самого входа на рынок стоит прозрачный до пояса теремок Ноя Михайловича. Стоит вот уже пять лет подряд. Это кажется удивительным. Мы привыкли, что подобные теремки два раза в год перетаскивают с улицы на улицу. Очевидно, ищут для них бойкое место. Место каждый раз оказывается не бойким, план горит, и... все начинается сначала.

Ной Михайлович с места не двигался, а продавал вдвое больше, чем планировалось.

«Талант,— говорили о Султан-Гирее в компетентных торговых кругах.— Коммерческий гений». Говорили и подсовывали ему залежавшиеся товары. Ной Михайлович не жаловался и не протестовал. Он продавал все.

Рождались полумистические слухи о каких-то таинственных «секретах». Поговаривали даже, что Султан-Гирей

гипнотизирует покупателя.

Ной Михайлович не скрывал своих секретов. Он охотно делился передовым опытом.

— Делай так,— говорил он.— Принимай ласково, чтобы довольный покупатель был. Э-э! Что говорить! Газеты читать надо. Там все написано.

Как всякого гения, Султан-Гирея пытались выдвинуть. Однако он отказывался.

— Я руководить буду, ты руководить будешь. Кто план давать будет?

— Каково бескорыстие! — поражались в компетентных кругах.

— А может, он ворует? — высказался один большой практик.

Его засмеяли. Что воровать-то? Рижский одеколон? Резинки?

Посмеяться посмеялись, но внезапную ревизию устроили.

Только у Султан-Гирея полный ажур оказался. Копеечка в копеечку.

Почесали затылки в компетентных кругах:

— Блаженный какой-то. Не от мира сего.

— Братцы! — воскликнул большой практик.— Да ведь такой человек нам позарез нужен. Поднимем его на щит.

И подняли. В одном литературно-коммерческом издании появился очерк, озаглавленный «Поэт прилавка». Во всех президиумах забронировали место для Султан-Гирея. Даже один пионерский отряд пригласил его рассказать о смысле жизни. Эти знаки внимания очень трогали Ноя Михайловича. На одном вечере он даже прослезился.

— Душа моя сейчас поет,— сказал.— Торговал я еще при царе. Разве такой почет видел? Разве кто спасибо говорил? Грамоты давал? На сцене с большими начальниками сидел? Нет.

Ему аплодировали и опять просили поделиться опытом.

И Ной Михайлович рассказывал, что советского покупателя любит, как родного сына, а советскую покупательницу, как родную дочку.

Характер работы Султан-Гирея заставляет его вставать так рано, что автор лишен возможности описать этот момент. Автор проспал и застал Ноя Михайловича уже в его прозрачном теремке. Около ларька чинно стоял друг за другом пять человек. Очередь состояла только из мужчин, хотя восьмое марта давным-давно прошло. И эти мужчины, по всей видимости, были неплохо знакомы между

собой, обменивались приветствиями, традиционными вопросами о здоровье, о делах, о семье, обсуждали новинки литературы, кинофильмы.

Вот человек склонился к окошечку теремка.

— Приветствую, Ной Михайлович. Султан-Гирей улыбается.

— Салам, Пал Палыч. Ной Михайлович заглядывает в засаленный гроссбух:

— Двадцать пять девяносто, Пал Палыч. Пал Палыч вытаскивает кошелек.

— Косыночку возьмешь? — спрашивает Ной Михайлович.

— Я же в прошлый раз брал косынку, — тихо протестует Пал Палыч, — жена до сих пор издевается. Нет ли чего новенького?

Султан-Гирей искренне огорчен.

— Ах, дорогой! Разве я ГУМ? Или, может, я ЦУМ? Или я фабрика? Берешь косынку?

Три пятьдесят. Завернуть?

— Не надо, — покорно говорит Пал Палыч и небрежно засовывает рыжий кусок материи в карман. — Будь здоров, Ной Михайлович.

— Всего хорошего, Пал Палыч. Подбежала какая-то тетка:

— Мужики, чего выбросили? Видит покупки. Удивленно качает головой.

— Побесились мужики. Мужики стеснительно смеются.

Эпизод одиннадцатый

Глава делегации вытер вспотевший лоб ладонью, подумал: «Холодного пивца бы... Какой идиот придумал проводить здесь, на солнцепеке?». Потом вспомнил, что придумал это он сам. Вздохнул. Придал лицу выражение сдержанного восторга.

— Дорогой Ной Михайлович, — сказал глава делегации, — позвольте мне приветствовать вас от имени нашей, так сказать, широкой общественности.

Делегация томилась около ларька, сквозь стекла которого ей был виден растроганно улыбающийся Султан-Гирей.

Глава делегации говорил:

— Дорогой Ной Михайлович, Вы — наша, так сказать, гордость. Мы, если хотите, все, как один, равняемся на вас. Вы — наш, так сказать, маяк. Мы, если хотите, видим в вас образец нового коммунистического отношения к труду.

Глава делегации был опытным

оратором.

— На текущем международном фоне, — сказал он в заключение, — особенно ощутимыми становятся успехи нашего уважаемого Ноя Михайловича, который, выполняя план на двести процентов, если хотите, вносит весомый вклад в нашу, так сказать, борьбу за светлое будущее... В связи с этим, есть, так сказать, решение присвоить Ною Михайловичу Султан-Гирею звание, если хотите, ударника коммунистического труда. Мы решили в порядке внедрения прогрессивных форм общественной работы вручить вымпел непосредственно, так сказать, на рабочем месте.

Глава делегации полез в карман и вытащил красный сверток. Развернул. Встряхнул.

— Ты, прости, Ной Михайлович, помялся немного. Неудобно было по городу нести.

Разгладись как-нибудь на досуге... Поздравляю тебя, товарищ Султан-Гирей, с высоким званием.

Ной Михайлович протянул руку в окошечко, взял вымпел и повесил его между связкой рыжих косынок и синими рейтузами.

Похожий на ручную гориллу фотокорреспондент, который нетерпеливо кружил около ларька, щелкнул раз. И еще раз. И еще раз для верности.

Потом Ной Михайлович говорил в окошечко о своей гордости, о своей радости, о своей готовности, о своем стремлении.

Делегация ушла.

Эпизод двенадцатый

На рынке было тихо, как во время просмотра комедии Киевской киностудии. Петрушечницы, морковницы и другие воротилы местной овощной торговли покинули свои места. Горячий послеполуденный ветер лениво шевелил на земле промасленные страницы из научно-популярной монографии «Чем кормить поросенка», в которые заворачивали горячие пирожки.

Несмотря на полное отсутствие покупателей, Ной Михайлович не закрывал свой ларек. Он сидел в тени, которую отбрасывал врученный ему сегодня вымпел, и читал пьесу Анатолия Софронова «Стряпуха замужем». Ной Михайлович был опытным театралом. Накануне нового спектакля он всегда прочитывал пьесу, чтобы узнать, стоит ли ее смотреть. Пьесы, равно как и бесплатные билеты, доставляли ему трое признательных актеров. Почему признательных? Это станет

ясно из дальнейшего.

Улицу пересекал карапуз лет сорока пяти в капроновой шляпе. Ной Михайлович давно заметил его, но продолжал читать как ни в чем не бывало.

Карапуз потоптался около ларька. Снял шляпу. Вытер платком вспотевшую лысину.

— Ною Михайловичу мое почтение, — сказал он наконец.

Султан-Гирей оторвался от «Стряпухи».

— А-а! — сказал он, радушно улыбаясь. — Семен Тимофеевич. Здравствуй, дорогой. — И потянул из-под прилавка уже знакомый нам гроссбух.

— Ной Михайлович, будь другом... Давай еще приплюсуем. Для ровного счета, — робко попросил карапуз.

Султан-Гирей заметно посуровел.

— Ты делаешь мне больно, Семен Тимофеевич. Ты хочешь разорить старого Ноя, который любит тебя, как родного сына.

— Ной Михайлович, — отчаянно взмолился карапуз, — войди в положение. Какая ситуация: шесть информаций зарубили и две корреспонденции. Ни крохи гонорара не получил.

— Вах! Почему у тебя всегда что-то зарубили. Почему у других не зарубили?

— Зажимают меня в редакции, — уныло сказал карапуз. — Я отдам.

— Ладно. Еще один раз. Потом возьмешь два подарка.

— Я же разве когда отказывался! — облегченно сказал карапуз.

Ной Михайлович закрыл ларек. Карапуз обежал его и нетерпеливо подергал деревянную дверь. Щелкнула задвижка, и карапуз, опасливо покосившись по сторонам, протиснулся в приоткрывшуюся дверь. Она скрывала узкий тупик между теремком Султан-Гирея и магазином «Овощи—фрукты», который торговал рыбными консервами. Тупик образовался потому, что ларек поставили не параллельно глухой стене магазина, а под углом к ней. В тупике было довольно темно и душно. С фанерного потолка свисала слабосильная электролампочка, покрытая густым слоем мушинных точек.

Султан-Гирей был уже здесь. Он держал в руках бутылку портвейна и граненый стакан. Карапуз взволнованно схватил то и другое и в два с половиной приема опустошил бутылку.

— Закусывать будем? — спросил Ной Михайлович тоном парикмахера, желающего узнать, намерен ли клиент освежиться.

Клиент отрицательно помотал головой.

Ной Михайлович подсунул ему гроссбух. Клиент взглянул на свежую запись и лихо расписался.

— Будь здоров, Ной Михайлович.

— Счастливо, дорогой. Пусть тебя больше не зарубят.

Карапуз выскользнул наружу.

Пристройка, которую создал Султан-Гирей, накрыв тупичок крышей и навесив между углами ларька и магазина дверь, среди определенного круга горожан носила название «Ноева ковчега». В «ковчеге» хорошие люди могли выпить в кредит. К хорошим людям Ной Михайлович относил тех, кто пьет быстро, без шума и разговоров и кто имеет возможность регулярно платить. Новых клиентов Султан-Гирей не принимал без солидных рекомендаций.

В «ковчеге» можно было найти большой выбор напитков: от портвейна до коньяка «КВ». Сумма долга заносилась в засаленный гроссбух и скреплялась подписью должника. Если бы кто заглянул в эту почтенную книгу, он встретил бы немало любопытных автографов (в том числе и признательных актеров).

Особенностью заведения «Ноев ковчег» было то, что в нем действовал прејскурант железнодорожных ресторанов, как известно, не самый дешевый. И, кроме того, когда должники два раза в месяц приходили расплачиваться, они обязаны были купить что-то в ларьке Султан-Гирея. В подарок женам. Эти подарки обеспечивали двухсотпроцентное выполнение плана со всеми вытекающими последствиями.

Ной Михайлович посидел еще немного и стал собираться домой. Он не ожидал сегодня большого оборота. Шли дни полочки. А кто же станет пить в кредит по железнодорожным ценам, когда есть деньги?

Эпизод тринадцатый

Ной Михайлович нежно водил утюгом по вымпелу «Вас обслуживает ударник коммунистического труда». Вымпел, несколько утративший свежесть в кармане главы делегации, снова становился новеньким.

«Надо быть глупым, как хвост верблюда, чтобы носить такую вещь в кармане, — думал Султан-Гирей о главе делегации. — Ценная вещь. Беречь надо».

Ною Михайловичу по вечерам очень действовало на нервы, когда в его дверь кто-то стучал.

И сейчас, услышав три коротких удара,

он несколько взволновался. Прежде всего положил на самое видное место вымпел, схватил «Стряпуху замужем» и уселся в кресло. Обстановка типичная для передовика производства, неуклонно повышающего свой уровень, была создана.

— Заходи, пожалуйста. Дверь не запираю,— сказал Ной Михайлович.

Вошедший в комнату Засуха сразу углядел вымпел.

— Ого! Ной Михайлович, тебя поздравить надо.

— Спасибо, дорогой. Понимаешь, не могу поверить. Старому Ною — такая честь. А?

— Да,— торжественно сказал Сергей Конович, — высокая честь. И я искренне счастлив, что этой чести удостоился один из членов нашего дружного дворового коллектива. Послушай, Ной Михайлович, у меня к тебе два дела.

— Хоть двадцать два. Все сделаю. Такой день сегодня.

— Весьма признателен. Ной Михайлович, тебе известно что-нибудь о шариате? Ты ведь человек кавказский.

— Все известно.

— Будь любезен, дай основной тезис коротенько.

— О! Шариат! Такой закон. Женщина мужу возражать не может. Что муж приказал— делай.

«Хороший закон»,— подумал Сергей Конович, вспомнив умершую год назад жену, которая держала его в такой строгости, как и сын Мотя. Но тут же спохватился: — Погоди, Ной Михайлович. Мне надо беседу проводить о вреде шариата. Ты давай мне реакционную сущность.

— Вах! Я же тебе сказал реакционную сущность. Женщина мужу возражать не может. Это самый вредный порядок. Женщина — равный человек. Так советский закон говорит.

— Верно... Значит, не может возражать?

— Не может.

— Какой реакционный закон!

— Второе дело говори.

— Собрание сегодня. Ты не забыл?

— Как можно! — укоризненно воскликнул Султан-Гирей, хотя ничего о собрании не слышал. — Такое дело Ной записывает в сердце.

— Очень важное собрание. Хорошо, если бы ты выступил. Из газеты будут.

— Обязательно выступлю. Только глупый человек на важном собрании не

выступает.

— Вот, я написал тут кое-какие вопросы, которые следовало бы осветить.

— Ай, спасибо, Сергей Конович! Обязательно буду осветить.

— Я на тебя надеюсь, Ной Михайлович. Ты у нас человек передовой.

— Надейся, Сергей Конович, Султан-Гирей тебя не подведет.

Эпизод четырнадцатый

ЗА ПОЛЧАСА ДО СОБРАНИЯ

Одиноким студент, имеющий свою квартиру, — явление абсолютно нетипичное. Но Гришка Петров — хозяин квартиры номер четыре. И от этого факта никуда не денешься. Раньше Гришка здесь жил вместе с бабушкой. Но бабушка умерла, и Гришка стал хозяином.

В качестве квартиросъемщика Петров доставляет немало беспокойства широкой дворовой общественности в лице товарища Засухи. Гришка — единственный жилец, который систематически отлынивает от общественной жизни.

Справедливости ради, следует сказать, что отлынивание началось не сразу. Петров аккуратно посетил два бурных многочасовых собрания. Одно из них было подготовлено компочи — комиссией по чистоте (тт. Засуха, Султан-Гирей) и посвящено антисанитарному поступку Колбаскиных, выразившемуся в отказе платить за мытье уборной. Второе подготовила компоамориморде комиссия по аморальным и моральным делам (тт. Засуха, Колбаскина) и посвятила самому Петрову, как «замеченному в целовании с неизвестной девицей в пределах дворовой территории».

После этих собраний Петров начал игнорировать широкую общественность. Сергей Конович, озабоченный дальнейшей судьбой «отщепенца», трижды сигнализировал в институт. И, как ни странно, Петрова из института не исключили.

— Они там все в стачке,— сказал Сергей Конович и сигнализировал в газету. Он был убежден, что если что-то может еще спасти Петрова, так лишь немедленное исключение из института и высылка из города как тунеядца.

Через некоторое время газета ответила (там обязаны на все письма отвечать), что в результате проверки установлено: Ленинский стипендиат Петров — один из лучших студентов, член комитета комсомола, ведет большую общественную и научную работу, успешно проводит самостоятельные

исследования в области паразитологии. Факты аморального поведения не подтвердились.

«Трудно в наше время добиться правды»,— подумал Сергей Конович, черкнул в горлом партии. И стал ждать ответа.

Подойдя к двери, на которой значилась цифра четыре, Сергей Конович услышал громкий смех.

— Представляешь рожи этих динозавров? — спросил за дверью Петров.

— Еще бы! Я уже не жалею, что пришлось идти по этому заданию,— откликнулся голос, который показался Засухе знакомым.

Сергей Конович охотно послушал бы и дальше, но он не знал, в каком домоуправлении живут Динозавры, а значит, сведения о них не представляли интереса. Засуха постучал.

— Заходите,— крикнул Петров.

Сергей Конович увидел Боброва, сидящего верхом на стуле. Того самого Боброва, который утром забраковал патриотическую поэму.

«Так,— подумал Засуха,— шайка подбирается».

— Гражданин Петров,— сказал он милицейским голосом,— информирую вас, что сегодня состоится важное собрание.

— Очень важное? — озабоченно спросил Петров.

— В высшей степени.

— Что-нибудь о пропускной способности канализационных труб?

— А вы не насмехайтесь, гражданин Петров. У нас не цирк, а домоуправление. Ваша явка обязательна.

— Что вы, как можно насмехаться над серьезными вещами!

Журналист закашлялся. Засуха пронзительно взглянул на него. Но тот был абсолютно серьезен.

— Вот так. И без опоздания,— сказал Сергей Конович.

Едва он закрыл за собой дверь, хохот возобновился с новой силой.

«Веселишься, — подумал Засуха, — давай-давай! Посмотрим, что ты запоешь после собрания».

Крупный общественник не чувствовал, что судьба готовит ему суровое испытание.

Эпизод пятнадцатый

СОБРАНИЕ

Автор присутствовал при этом историческом событии. Он, как и Бобров, представлял на собрании газету. Только

другую.

Собрание во дворе дома № 76 во многом походило на другие, отлично знакомые читателю. Поэтому нет смысла воспроизводить его со всеми подробностями. Автор ограничивается выборочным цитированием речей и кое-какими замечаниями в скобках, взятыми из записной книжки.

С. К. Засуха:

(Вступительное слово-доклад)

Дорогие мои друзья, товарищи! К вам обращаюсь я в этот торжественный день. В тот день, когда (С. К. Засуха кратко характеризует положение с выплавкой стали, ловлей сельдей и выращиванием женьшеня в нашей стране)... В этой обстановке глубокого подъема нам выпало величайшее счастье стать зачинщиками славного патриотического движения в нашем родном городе... Здесь присутствуют от газет... Странно, что от исполкома никто не подошел. Но еще подойдут. (Бобров, сидящий рядом с Петровым, толкает того в бок.) Товарищи, наша дворовая общественность решила призвать всех вас к борьбе за звание, за почетное звание «Двора будущего». Прослушайте обязательства. (С. К. Засуха олашает проект обязательств. Всего 64 пункта.) И я глубоко верю, что наш здоровый жильцовский коллектив имеет все возможности, чтобы справиться с поставленными высокими заданиями... Отдельно хочу сказать о присутствующем здесь квартирносъемщике Петрове. (Бобров сильно толкает Петрова.) Скажу, товарищи, в порядке самокритики, что Петрова нам надо подтянуть, и крепко подтянуть. Он — гиря на нашем семимильном движении. Я предлагаю в качестве конкретной меры перевоспитания присвоить Петрову звание общественного тунеядца и сообщить об этом в соответствующие места... Жалко, нет никого из исполкома (Бобров очень сильно толкает Петрова). А мне твердо обещали, что подойдут. (Конец речи С. К. Засуха посвящает успехам, достигнутым в области внутриворотовой работы.)

Н. М. Султан-Гирей:

...Золотые слова! Ай, золотые слова говорил Сергей Конович. Сердце мое сегодня поет (Н. М. Султан-Гирей поясняет, почему поет его сердце, и присоединяется к предыдущему оратору). Про Петрова правильно говорил: общественный тунеядец. Мешает нам вперед ходить...

М. С. Засуха:

...Как представитель боевого отряда советской интеллигенции, которая плоть от

плоти... (М. С. Засуха присоединяется к двум предыдущим ораторам). Как говорил лучший, талантливейший поэт нашей советской эпохи Владимир Владимирович Маяковский:

А в нашей буче,
боевой кипучей,—
и того лучше.

Что касается Петрова, то подобных нигилиствующих индивидуалистов надо клеймить, выжигать, вскрывать.

В. Г. Колбаскина:

Как представительница славного рабочего класса нашей страны (присоединяется к трем предыдущим ораторам). И мы все рука об руку и плечом к плечу будем идти вперед. Однако (разоблачает Петрова). Я скажу прямо, по-рабочему — не на ту мельницу льешь воду, товарищ Петров. Одумайся, погляди вокруг!..

Е. И. Колбаскина:

...Смотрю я на эту жизнь и умирать не хочется. Вот помню (пятнадцать минут воспоминаний о 1912 годе). Или еще (семь минут воспоминаний о 1923). А теперь (присоединяется к четырем предыдущим ораторам). О Петрове могу сказать одно — маловоспитанный молодой человек. Однажды он обозвал моего Вольдемара паршивым петухом. (Долго говорит о Вольдемаре.)

Петров просит предоставить ему слово. Председательствующий С. К. Засуха предлагает быть покороче и ближе к делу.

Г. Петров:

Я, прежде всего, хочу рассеять маленькое недоразумение. Тут товарищ Засуха сокрушался, что нет представителя от исполкома. Мне неловко было перебивать оратора. Сообщаю сейчас: меня, как депутата горсовета, живущего в этом дворе, исполком просил быть представителем на собрании. (Реплики с мест: «Опять насмешки!» (Засуха), «Документ имеешь?» (Султан-Гирей). Документы есть (Петров показывает депутатское удостоверение. Становится тихо, как ночью на кладбище). Что касается критики в мой адрес... (Реплики с мест: «Какая там критика! Все не без греха!» (С. К. Засуха). «Зачем обижаешься дорогой?» (Н. М. Султан-Гирей), «Мы имели в виду другое. Совсем другое» (М. С. Засуха). «Ты ж — наш человек, товарищ Петров» (В. Г. Колбаскина)... Что касается критики в мой адрес, то я ее учту. И в свою очередь хочу кое-что высказать вам.... (После выступления Петрова подавляющее большинство присутствующих находилось в состоянии, близком к легкому обмороку или тяжелому инфаркту. В зависимости от

возраста и темперамента).

После собрания автор подошел к Ивану Кузьмичу Иванову, представителю соседнего домоуправления, делегированному за передовым опытом, и попросил интервью. Иван Кузьмич высказал мысли, которые стали эпиграфом этой истории.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Обратите внимание!

(Из заявления С. К. Засухи, направленного в шестнадцать адресов.)

«...И еще гражданин Петров допустил такой выпад (цитирую дословно): «Мне думается, что наш двор так же далек от будущего, как Луна от Земли». Ему, видите ли, думается! И это в тот момент, когда не думать надо, а, засучив рукава, строить светлое завтра.

Очень странно прозвучало для меня положение, что Земля далека от Луны. Для советских космонавтов нет далеких расстояний!

Гражданин Петров сорвал голосование по вопросу о вступлении в замечательное движение «Дворов будущего», тем самым опорочив наш дружный коллектив и бросив определенную тень на само вышепоименованное движение.

Следует внимательно присмотреться к гражданину Петрову и сделать из его поведения наши выводы».

Говорят, что Петрову сейчас некогда вести самостоятельные исследования в области паразитологии. Он уже - объяснился с тринадцатью представителями, проверявшими заявление Засухи, и сейчас ждет четырнадцатого, наивно полагая, что этот-то будет последним.